

Сербский социум в начале XX века. «Милитаризация повседневности»

Я.В. Вишняков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В течение XIX и начала XX вв. Восточный вопрос и поиски путей его решения занимали центральное место в политике России и европейских государств. С его решением был тесно связан процесс становления молодых балканских стран. Сербия, чье формирование новой государственности типологически совпадает с изменением системы европейских международных отношений XIX – начала XX вв., играла не последнюю роль в событиях Восточного вопроса, претендуя при этом на роль югославянского «Пьемонта». Однако к началу XX в., как для Сербии, так для других стран региона именно война стала не только средством к обретению государственного суверенитета, но и главным способом решения внутригосударственных противоречий. На фоне воздействия на политические процессы Балкан Великих держав эти факторы вели к естественной милитаризации повседневности сербского социума. Наличие в обыденном сознании народа образа враждебного «другого» стало одним из главных способов внутренней консолидации страны, когда установки на войну, отодвигая ценности мирной жизни на второй план, создавали в государственном развитии Сербии особый базовый консенсус, а антропологическая роль военного фактора существенно влияла на глубинные процессы, происходившие в стране в начале XX в. В условиях современного этапа деструкции Балкан по этнополитической линии фактор милитаризации повседневности становится важным элементом исторической политики балканских стран и конструирования «нового прошлого». В этой связи понимание многих проблем и возможных сценариев развития балканской реальности увязано именно с этим феноменом. Таким образом, изучение влияния на политическую жизнь Сербии начала XX в. особых «внеконституционных» институций важно для широкого круга исследователей, в том числе и для системного анализа кризиса на территории бывшей СФРЮ.

Ключевые слова: Сербия, модернизация, милитаризация повседневности, «Начертание», Первая мировая война.

УДК: 329.75

Поступила в редакцию: 09.07.2019 г.

Принята к публикации: 10.09.2019 г.

С толь сложные и многомерные исторические события как войны, всегда обусловлены не одним, а целым рядом факторов. Переоценка, или, наоборот, недооценка хотя бы одного из них может кардинально поменять наши представления обо всей картине прошлого. Для понимания процессов становления и развития сербской государственности в XX в. изучение комплекса милитарных факторов особенно важно, поскольку со второй половины XIX в. страна приняла участие в шести войнах: 1876, 1877-1878 и 1885 гг., двух балканских войнах 1912-1913 гг., а также в Первой мировой войне 1914-1918 гг.

При упоминании об участии Сербии в событиях Великой войны в коллективной памяти сразу рождаются устойчивые, зачастую мифологизированные, стереотипы, объединённые понятием «Сербская Голгофа». Оно включает в себя не только героический исход сербской армии через горы Албании осенью-зимой 1915/1916 гг., но и такие находящиеся на слуху понятия, как «Сараевское убийство», «Церская и Колубарская битвы 1914 г.», «прорыв Салоникского фронта 1918 г.». В исторической памяти эта героика накладывается на общие сведения о распаде четырёх империй, российской революции 1917 г., создании Королевства сербов, хорватов и словенцев, Версальской системе и формировании новой системы международных отношений.

В серьёзных академических исследованиях мировая война воспевается как необычайно важное явление, последствия которого ключевым образом отразились на судьбе народов европейского континента, а «эпическое» или «героическое» видение её событий, в свою очередь, стало устойчивым воспитательным элементом в формировании общественной лояльности (Вишняков 2016). Именно поэтому такая концептуализация войны, в которой действующим лицом выступают обезличенные людские массы, присутствует не только в исторических и политологических сочинениях, но и в посвящённой войне художественной литературе и поэзии (Сенявская 1999). Этому «обезличиванию» способствует тотальный характер военных действий и вовлечённость в её события колоссальных масс населения, что связано не только с огромным числом мобилизованных из самых разных социальных страт, но и с ростом мировой военной промышленности, появлением новых военных технологий, коренным образом изменивших характер ведения боевых действий, превративших войну в массовое убийство «живой силы неприятеля».

Однако исследование мировых войн как явления – это изучение не только истории воюющих государств и народов, но и поведения обычного человека, которого, по выражению сербского историка М. Йовановича, буквально все, особенно политики, призывали «умереть за Родину» (Йованович 2002). При обращении к тематике участия Сербии в Первой мировой войне из поля зрения историков зачастую выпадали не только обыкновенные солдаты, на плечи которых и легла основная её тяжесть, но и мирное население, которое вынуждено было испытывать невероятные страдания, связанные с боевыми действиями, эвакуацией, эпидемиями, австро-венгерским и болгарским террором. По спра-

ведливым словам исследователя Е.С. Сеньявской, «"человек воюющий" – это особое явление, не только социальное, но и психологическое» (Сеньявская 1999: 8).

Архетип «человек воюющий» сыграл особую роль в становлении сербской государственности, продемонстрировав, как «психология войны» может стать катализатором этого процесса (Пономарева 2005: 40). Фактор постоянного ожидания войны создал особые общественные ценности, а «тотальный характер войны отражался на коллективной и индивидуальной психологии» (Йованович: 2002: 156). Использование властными структурами идеи милитаризации повседневности, внедрение в сознание крестьянского социума враждебного образа «другого» стали способами внутренней консолидации страны. Установки на войну создавали в Сербии особый базовый консенсус, отодвигая ценности мирной жизни на второй план. Данный феномен не ускользнул от внимания российских очевидцев. «Воинственное настроение сербов не составляет коренного характера сербского народа, но воспитывается в нём и по необходимости поддерживается внешними обстоятельствами: неоконченностью политической роли, неустановленностью её территориальных и политических отношений. И такое состояние, очевидно, мешает развитию страны в смысле гражданственности. Рядом с воинственным героизмом вы не встречаете нигде мужества гражданского», – отмечал П.А. Ровинский по впечатлениям от поездки в Сербию в 1867 г. (Пономарева 2005: 109)¹. Полвека спустя, перед началом первой Балканской войны, российский дипломат В.Н. Штрэндтман сообщал, что сербы не украшают свою столицу, пребывая в уверенности, что дома всё равно будут разрушены врагом, а будущее зависит от «мудрости наших политических деятелей и храбрости нашего малочисленного войска, тех десяти пехотных и одной кавалерийской дивизии, которые мы можем противопоставить несметным неприятельским силам» (Штрэндтман 2014: 116). Эти слова совпадают с выводами Е.С. Сеньявской о том, что «все основные, базисные элементы психологии человека, оказавшегося в роли комбатанта, формируются ещё в мирный период, а война лишь выявляет их с наибольшей определённой, акцентирует те или иные качества, связанные с условиями военного времени. Вместе с тем специфика этих условий вызывает к жизни новые качества, которые не могут возникнуть в мирной обстановке, а в военной период формируются в максимально короткий срок» (Сеньявская 1999: 49).

В начале XX в. в Сербии этим базисным элементом психологии общества стал уникальный феномен: тесное, подчас неразрывное переплетение государственных, военных, парамилитарных структур, тайных обществ, частных инициатив, связанных идеей объединения всех сербов в едином государстве.

¹ П.А. Ровинский (1831–1916) был крупнейшим историком-славистом и филологом своего времени. С 1879 г. он практически постоянно проживал в Черногории, сначала как частное лицо, а затем как драгоман русской миссии. Одним из самых значительных его трудов стала книга «Черногория в её прошлом и настоящем», которая и сегодня остаётся самым всеобъемлющим произведением по истории этой страны.

Четническое движение, как путь к национальному идеалу, приобрело свои законченные формы, став при этом отличительной особенностью не только Сербии, но и Балкан (комиты в болгарской армии и андарты в греческой). В свою очередь, руководители отрядов четников, многие из которых были офицерами сербской армии, сформировали сильный механизм, существенно влиявший на политические ориентиры страны². В 1886 г. в Белграде было учреждено «Общество святого Савы», издававшее журнал «Братство», целью которого была просветительская деятельность в Старой Сербии и Македонии. В 1902 г. в Сербии возникла четническая организация, одним из руководителей которой был С. Симич. В Греции организация «Этники этерия» занималась аналогичной деятельностью, т.е. не только пропагандой, но и засылкой на территорию Македонии греческих добровольцев и созданием там вооружённых отрядов из числа местных греков. По словам Р.П. Гришиной, «главное, что объединяет и характеризует деятельность такого рода обществ на Балканах – их взаимосвязь с “материнскими” правительственными структурами и особенно с армией “родного” государства, на политику которого они начинают оказывать влияние вплоть до довлеющего» (Гришина 2008: 158).

Важным событием политической жизни страны стало убийство 29 мая 1903 г. офицерами белградского гарнизона правящей королевской четы – Александра и Драги Обреновичей. Незадолго до свержения Обреновичей в Белграде была основана организация «Словенский юг», формально как студенческое культурно-просветительское общество для содействия объединению всех южнославянских народностей. После майского переворота общество значительно укрепило свои позиции, активизировав деятельность в Албании, Македонии, Боснии и Герцеговине. Одним из основателей общества был Милан Прибичевич, брат известного сербского политика Светозара Прибичевича (в те времена редактора загребской газеты «Србобран», впоследствии лидера Демократической партии и одно время министра внутренних дел межвоенной Югославии). Среди других деятелей можно выделить капитана Я. Ненадовича, поручика А. Срба, полковника Ч. Поповича, соратника сербского премьера Пашича – Л. Йовановича, капитана М. Наумовича, чиновника Министерства иностранных дел Л. Нешича, майора М. Васича, Л. Йовановича-Чупу, написавшего проект устава организации, и доктора М. Годжевца, наряду со С. Симичем – видной фигуры в организации сербского четнического движения в Македонии и Старой Сербии. В тесных контактах с организацией состояли влиятельные сербские политики Л. Давидович, Я. Проданович, Л. Стоянович, Ж. Живанович, а также участники майского переворота генерал Й. Атанацкович, майор П. Пешич, поручик Ж. Рафаилович и Д. Димитриевич-Апис.

21 августа 1903 г. в Белграде прошёл многолюдный митинг в поддержку сербского населения Старой Сербии и Македонии, завершившийся основани-

² См. подробнее: (Вишняков 1999; 2001; 2014; 2016; Писарев 1990).

ем женской патриотической организации «Коло³ сербских сестёр» под руководством Славки Суботич, Милицы Добрич и Надежды Петрович.

На фоне аннексионного кризиса 1908-1909 гг. для создания четнического движения в Боснии и Герцеговине в Белграде на базе общества «Словенский юг» была образована организация «Народная оборона». Она насчитывала до 5000 человек, делилась на 223 филиала и имела значительное число сторонников за рубежом. Поскольку сербское правительство, по соглашению с Веной, было обязано не только прекратить содействие четническому движению, но и пресекать его, «Народная оборона» формально трансформировалась в культурно-просветительское общество. В 1911 г. часть офицерского корпуса, участников майского переворота 1903 г., создали тайную политическую организацию с характерным названием «Объединение или смерть», более известную как «Чёрная рука». Харизматичный Д. Димитриевич (Апис)⁴, В. Танкосич, Ч. Попович, Л. Йованович-Чупа стремились сплотить вокруг себя общество для реализации этих государственных и внешнеполитических задач⁵. С организацией были связаны многие государственные чиновники, в частности министр иностранных дел М. Милованович. Генерал С. Степанович, в 1911–1912 гг. военный министр королевства, был прямым ставленником «Чёрной руки».

Изучение истоков этого феномена позволяет прояснить причины превращения Балкан в регион непрерывной войны. Впервые особое «четническое» мировоззрение сербского общества проявилось в период Первого сербского восстания 1804–1813 гг. После обретения Сербией в 1878 г. полного государственного суверенитета конфронтационная психология общества, естественная для воюющей страны, отразилась как на особенностях становления и развития её государственных и военных институций, так на взаимоотношениях с соседями (Вишняков, Пономарева 2018).

Заметим, что в начале XX в. процесс строительства современной армии опережал изменения традиционных общественных структур страны. Не случайно в марте 1911 г. на одном из заседаний Скупщины премьер Н. Пашич произнёс: «Малые государства могут, конечно, сожалеть о том, что одним из условий поддержания мира великие державы считают боевую мощь; но раз это так, то и малые государства должны следовать этому основному принципу; они должны готовиться к войне, если желают обеспечить мир»⁶. Эта установка дала о себе знать уже со второй половины XIX в., когда сербская армия стала демонстрировать свою силу, в том числе и в контексте реализации внешнеполитических устремлений княжества. Например, после убийства в 1868 г. князя Михаила

³ Коло – сербский народный танец. В данном случае имеется в виду «объединение».

⁴ Д. Димитриевич родился в 1876 г Закончив белградскую военную академию, стал офицером генерального штаба сербской армии. В начале XX в. Апис играл исключительную, скорее даже уникальную роль в сербской армии и политике, будучи подлинным вождём офицерского корпуса.

⁵ С «Чёрной рукой» была связана организация «Млада Босна», член которой Г. Принцип и произвёл роковой выстрел в Сараево.

⁶ РГВИА. Ф. 2000. Д. 3035. Л. 467.

Обреновича именно вмешательство военного министра Миливое Блазнаваца, который подкрепил свои аргументы демонстративным ударом по сабле, возвело на престол учившегося тогда в Париже 14-летнего Милана Обреновича, племянника Михаила. «Блазнавац был истый серб; народ знал о его злоупотреблениях, но любил его военные затеи, мечтая, что он из Сербии создаст такую силу, с которой можно будет целую Турцию разгромить и воссоздать царство Стефана Душана», – писал П.А. Ровинский (Русские о Сербии... 2006: 77).

Подчеркнём, что в Сербии национальное движение зародилось задолго до формирования гражданского общества или какого бы то ни было конституционного порядка. В.А. Шнирельман отметил по этому поводу, что «борьба за национальное возрождение и рост националистических движений, которые разворачиваются сейчас во всём мире, ставят на повестку дня новую актуальную проблематику, связанную с особенностями националистических идеологий и их практическим воплощением. Именно в этих условиях особое значение приобретает этноисторический миф, легитимирующий право данной группы на территорию, на развитие своей культуры и на политическое оформление вплоть до требования полного суверенитета» (Шнирельман 1999: 11). «Этноисторический миф», тесно связанный с процессом национальной мобилизации, наложился на становление и модернизацию политических и экономических основ государства, которые происходили в Сербии со второй половины XIX в. Обретение независимости естественным образом вызвало очередной всплеск идей «неославизма» среди новых политических лидеров страны, а представление о сербском государстве как о балканском «Пьемонте» стало одним из центральных вопросов государственной жизни. На этом фоне происходил переход от мифологического к рефлексивному типу общественного сознания, а «лежащий в основе всякого национализма этноцентризм стремился заполнить “вакуум сознания” индивидов и социальных групп при невозможности опираться на традиционные духовные ценности с наступлением новой индустриальной эпохи» (Сергеев 2001: 173).

Таким образом, со второй половины XIX в. в сознании сербской политической элиты национальные акценты стали не просто увязываться с задачами развития государства, но и превалировать над ними, а «стремление закрепить идею национального единения в центре человеческого воображения находило выражение в словах и войнах» (Бурбанк, Купер 2010: 326). Увлечённые этой идеей политические лидеры предприняли попытку с помощью системы убеждений, образов и стереотипов создать понятный обществу миф для последующей его индоктринации. Как подметил Макс Вебер: «Преданность харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании (*Ekklesia*) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне “призванным” руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него» (Вебер 1990: 647).

Проект создания мифической «великой страны» обретал конкретные ирредентистские формы, создавая в обществе особое смысловое поле и став для по-

литической элиты апробированным средством идеологического воздействия на социум. Уместно процитировать Б. Андерсона: «... национализм с конца XVIII в. находился в процессе модульного перенесения и адаптации, приспособляясь к разным эпохам, политическим режимам, экономикам и социальным структурам. В итоге эта “воображаемая общность” проникла во все мыслимые современные общества» (Андерсон 2001: 175). Ещё в конце 1844 г. видный сербский политик Илия Гарашанин сформулировал долгосрочную программу «Начертание» по освобождению сербских земель и объединению их вокруг Белграда. Она провозглашала создание на базе княжества большого южнославянского государства с расширением его территории за счёт Боснии и Герцеговины, Черногории, северной Албании и получением выхода к Адриатическому морю. Сербское княжество должно было стать своеобразным югославянским «Пьемонтом»⁷. Эта цель, став ключевой в политике королевства, в значительной степени отразилась на формировании системы ценностей сербского общества, для которого имагологический вопрос «свой – чужой» стал тесно увязываться со стремлением возглавить процесс создания на Балканах сильного югославянского государства.

Как заметила историк Л.В. Кузьмичёва, «у сербов громадное преимущество в уже имеющейся автономии, собственных государственно-политических и культурных институтах и программах. Есть ядро, стало быть, возможна и роль Пьемонта. Поэтому обострение и началось не просто после поражения революции 1848–1849 гг., а после общеевропейского движения к объединению вокруг одного центра распылённых земель (Пруссия, Италия). Сербия была единственным вполне реальным центром югославянского объединения» (Кузьмичева 2009: 176).

В 1866–1868 гг. Белград стал центром антитурецких сил, что вылилось в попытку создания Балканского союза для совместного выступления против Османской империи и раздела между его участниками освобождённых земель Балканского полуострова. Были подписаны секретные договоры с Грецией, Румынией и Черногорией. Началась подготовка антитурецкого выступления в Боснии и Герцеговине, налаживались контакты и с австрийскими югославянами, в частности с лидером хорватской Народно-либеральной партии епископом Й. Штроссмайером⁸.

Однако попытки практического воплощения программы в 1860-е гг. потерпели неудачу. И дело было не только в том, что конкретные исторические условия не позволили это сделать⁹. Главная проблема состояла в том, что на Балканах, ввиду полиэтничности не могли сложиться условия для реализации программы построения государства на принципе «народ – территория – государство», хотя с начала XIX в. сербские политические лидеры интуитивно к тому стремились (Пономарева 2013: 83–85). По этой же причине сами понятия «серб-

⁷ См. подробнее (Никифоров 2015).

⁸ См. подробнее (Якшић, Вучковић 1963).

⁹ Эти планы не были реализованы, в том числе по причине убийства князя Михаила Обреновича весной 1868 г. в Топчидерском парке близ Белграда.

ство» и «югославизм» были условны, нечётко сформулированы. После событий 1875–1878 гг., когда мечты о создании под эгидой Сербии сильного югославянского государства потерпели неудачу, эти идеи оказались в глубоком кризисе, который продолжался до 1890-х гг.

Историк и политолог М. Хрох, определяя национализм как «позицию, которая ставит национальную идентичность во главе всех других социальных интересов и групповых принадлежностей» (Хрох 2010: 107), выделил три стадии развития национального движения: фаза А, «тщательное исследование языковых, культурных, социальных и иногда исторических черт недоминирующей группы»; фаза В, появление «активистов, которые отныне попытались завоевать как можно больше сторонников из числа представителей своей этнической группы для реализации планов по созданию будущей нации»; фаза С, когда формируется массовое движение (Хрох 2002: 125). М.В. Белов полагает, что при изучении балканских национальных движений, включая сербское, необходимо учитывать наложение фаз друг на друга и нарушение их последовательности. Движение «носит "вспышечный" или скачкообразный характер; приливы активности сменяются спадом и возвращением к непройдённой фазе становления. Чересполосная периодизация повстанческого движения приобретает вид слоёного пирога» (Белов 2007: 530). Стадиальная картина государственного развития Сербии как бы смазана, а лидеры формирующегося государства, переняв внешние формы западноевропейских общественно-политических доктрин, по словам политолога Энтони Смита, не смогли понять, что «этно-история – это не кондитерская, в которой националисты могут “набирать и смешивать”; она накладывает ограничение на всякое выборочное усвоение, обеспечивая особый контекст и модель событий, персонажей и процессов и устанавливая рамки, символические и институциональные, в которых происходит дальнейшее этническое развитие. Она представляет особое, но завершённое наследие, которое можно разделить, а затем подавать *à la carte*» (Смит 2004: 94–95). В подтверждение этих тезисов приведём слова известного американского журналиста Джона Рида, который в 1915 г. совершил поездку по Сербии. Сопровождавший его капитан сербской армии сказал: «Прежде чем поступить в комитаджи, нас посылали в университеты Берлина и Вены изучить организацию революций, особенно итальянской *Risorgimento*» (Рид 1928: 98). Из этого признания следует, что менталитет сербской элиты, в том числе и военной, впитал политические доктрины национального идеализма XIX в. вкуче с теорией насилия – одного из важных направлений русской народнической школы¹⁰.

Отметим ещё один немаловажный факт, способствовавший формированию в стране особой милитаризации повседневности: патриархальное состояние общества, его гомогенность и аграрный характер, основанные на традициях

¹⁰ Влияние идей русских народников на развитие революционного движения на Балканах блестяще показано в работах сербского историка Латинки Перович. См. например (Перовић 1993).

особой социальной структуры – задруги¹¹. К концу XIX – началу XX вв. сербская задруга из семейной структуры стала превращаться в производственный кооператив – основу экономики страны¹², что ключевым образом влияло на характер и особенности развития Сербии в рассматриваемый период. Традиции отражались и на формировании сербских вооружённых сил. Проведённые во второй половине XIX в. князем (с 1882 г. королём) Миланом Обреновичем военные реформы сделали сербскую армию похожей на европейские, но имели иное смысловое значение. Отношение к службе, менталитет сербского солдата был отличен от европейского, поскольку соблюдение воинской дисциплины накладывалась на «четническое» сознание крестьянина, «былого бунтовщика». «При таких условиях в сербской армии нет резкой грани между офицером и солдатом, которая существует в армиях других государств, отношения между ними самые простые, почти товарищеские», – писал известный российский военный историк Е.И. Мартынов (Русские о Сербии... 2006: 559). Д. Рид более конкретен: «В Сербии, по-видимому, нет глупой традиции, что такая фамильярность между офицерами и нижними чинами нарушает дисциплину. Сколько раз приходилось нам видеть в ресторанах, как штатский или унтер-офицер подходит к столу, где сидят офицеры, отдаёт честь, а затем пожимает всем руки и присаживается. И здесь сержант, который прислуживал за столом, сел с нами, чтобы пить кофе, и был специально представлен нам» (Рид 1928: 82). Сербский солдат, таким образом, не имел европейской военной выправки и не представлял из себя выдрессированный материал, беспрекословно выполнявший приказы командира. В ноябре 1914 г. некий пехотный майор в беседе с корреспондентом российской газеты «Речь» говорил: «Мы, сербы, не умеем отступать! Это верно! И в этом всё наше несчастье. Для нас война это непрерывное, безостановочное наступление. И тогда мы дерёмся как львы. Тогда мы велики! Тогда нет врага, который мог бы устоять перед нашими солдатами! Но стоит по каким-нибудь соображениям скомандовать отступление, стоит передвинуть солдат на несколько метров назад и конец всему. Мы пропали! Мы отступаем в беспорядке, мы нервничаем, мы негодуем на всех и на всё, мы обращаемся в капризных, беспомощных детей, и становится страшно за судьбу всей армии» (Вукичевич 1915: 83). Образную характеристику сербского солдата дал и П.А. Ровинский: «Я не знаю солдата более весёлого, более исполнительного, чем сербский солдат; его как будто вся жизнь дисциплинировала, он солдат по воле, по призванию. Поэтому, вольный и непокорный вне строя, серб делается безусловно покорным, как

¹¹ Задруга, будучи, по сути, большой патриархальной семьёй, состояла из 20–30 человек; как правило, несколько сыновей одного отца со своими семьями жили на одном большом дворе. П.А. Ровинский так описал задругу: «Тут в семействе жило вместе не более 10–12 человек, с детьми (кроме священника), но рядом двор принадлежал к этой же семье: собственно, это один двор, который недавно только перегородили надвое. Ещё две семьи, вышедшие из этого двора, поселились подальше. До разделения вместе жило душ до 30-ти, и составляли одну семейную общину задругу, которая имела одного выбранного поглавара, или старейшину, общее неразделённое имущество и жила, и работала сообща, повинуюсь распоряжению одного и семейному совету» (Русские о Сербии... 2006: 97).

¹² Первая кооперативная земледельческая «задруга» была основана в марте 1894 г. (Вукичевич 1915: 26).

скоро вы успели поставить его в строй» (Русские о Сербии...2006: 77). Слова российского учёного, прекрасного знатока Сербии и Балкан, перекликаются с выводами военного корреспондента газеты «Раннее утро» Н.И. Гасфельда, побывавшего по заданию редакции на театре военных действий Первой Балканской войны и опубликовавшего свои заметки под именем Н. Шевалье: «Нетребовательность сербского воина поразительна: обутый в жиденькие онучи, свободно пропускающие воду, одетый во что бог послал особенно призванные из запаса, – с мешком вещевым под боком и ружьём через плечо, он шлёпает, не унывая, по ужасной грязи македонских дорог и никакая усталость, никакие лишения не пугают его» (Шевалье 1913: 85). Эта удивительная способность безропотно переносить любые лишения поражала ещё одного свидетеля Первой Балканской войны – И. Табурно «Вот, еле передвигая ноги, идёт пожилой солдат; всё лицо залито кровью. Он дальше идти не может. Около трёх километров прошёл уже он пешком. Садится. Мы выходим из экипажа. Доктор осматривает его, удивлённо качает головой. Пуля попала в лоб и вышла в затылок. Подозвали санитарный патруль с носилками. Раненого кладут на носилки, но как только он закинул голову, смерть наступила моментально. Ни одного стона раненых изумительное терпение!», – с восхищением писал российский военный корреспондент (Табурно 1913: 48–49).

Ярче всего эта внутренняя смысловая особенность вооружённых сил Сербии проявилась в Первую мировую войну, когда в 1914 г. сербская армия нанесла австрийцам ряд чувствительных поражений, вытеснив их с территории королевства. Заметим, что причины этих побед имели под собой не просто военную составляющую: победам сербского оружия содействовала гомогенность патриархального общества. Полковник Суботич, начальник Красного Креста в Нише, сказал Д. Риду об этом так: «Мы все в Сербии крестьяне, и это наша гордость. Воевода Путник главнокомандующий армией, бедный человек; отец его был крестьянином. Воевода Мичич [Мишич], одержавший победу и прогнавший австрийцев из нашей страны, крестьянин. Многие депутаты Скупщины нашего парламента крестьяне и заседают там в крестьянской одежде» (там же: 59). Восприятие войны в Сербии принципиально отличалось от реакции населения остальных воюющих стран. Тот же Д. Рид подчеркнул, что «каждый солдат из крестьян знает, за что он сражается. Ещё когда он был маленьким ребенком, мать приветствовала его: “Здравствуй, маленький мститель за Косово”» (Рид 1928: 66).

В качестве ещё одного примера приведём описание российским посланником Г.Н. Трубецким поездки престарелого короля Петра в солдатские окопы в ноябре 1914 г., в разгар нового австрийского наступления, чуть не приведшего Сербию к трагическому поражению: «Про меня рассказывают всякие небылицы, сказал он мне. Не верьте им. Я ничего особенного не сделал. Вы видите, что я стар и никуда не годен. Что удивительного в том, что я предпочёл бы умереть, чем видеть позор моей родины. Я поехал в окопы, и только это и сказал сол-

датам. Я им говорил: “Пускай, кто хочет, уходит по домам, а я останусь здесь и умру за Сербию”. Ах, если бы видели наших солдат! Какие это необыкновенные люди. Они плакали, целовали моё пальто. Все остались и сражались как львы. Сербам нужно, чтобы кто-нибудь смотрел на них, тогда они делают чудеса храбрости» (Трубецкой 1983: 77)¹³. Такое «семейное» восприятие народом своего монарха было естественным выражением отношения традиционного крестьянского общества к власти и государству, когда правитель выдвигался из своей среды и ей же мифологизировался. Именно поэтому мы не видим на сербском престоле представителей иностранных династий¹⁴. При этом отношение сербского крестьянства к собственному монарху отражало его традиционный менталитет. Д. Рид упоминал, что их возница, нахваливая своих лошадей, сказал, что жеребца он назвал Воевода Мичич [Ж. Мишич] в знак уважения к генералу, одержавшему решительные победы над австрийцами в 1914 г., а *кобылу* (курсив мой – Я.В.) Король Пётр (Рид 1928: 104). Изменить этот менталитет сербского солдата не смогли никакие лишения. Его показательно охарактеризовал русский посланник Г.Н. Трубецкой, описывая пребывание сербской армии в Скутари во время её отступления на Корфу в 1915 г.: «Как бледные тени, многие едва держались на ногах, несчастные бродили по улицам и ни разу мне не пришлось натолкнуться на выражение ропота. С поразительной покорностью судьбе эти люди медленно умирали, не решаясь протянуть руку за милостыней <...>. Все эти солдаты не так давно были зажиточными гордыми сербскими крестьянами, а теперь у них всё пропало, и, впад в самую крайнюю степень нищеты, они были как будто ошеломлены и не знали, что делать» (Трубецкой 1983: 219).

В России ситуация отличалась кардинально. Генерал и военный историк Ю.Н. Данилов отмечал, что в 1914 г., после объявления мобилизации, несмотря на внешне бурную поддержку Николая II и патриотический подъём, крестьянин, составлявший, как и в Сербии, основу русской армии, «шёл на призыв потому, что привык вообще исполнять всё то, что от него требовала власть; он терпеливо и пассивно нёс свой крест, пока не подошли великие испытания <...>. Даже коренное русское население было лишено сознания единства. “Мы вятские, тульские или пермские, до нас немец не дойдёт”, такими словами часто и надо сказать довольно правильно характеризовали у нас несознательное отношение крестьянства об общей опасности государства» (Данилов 1924: 112). То же в своих воспоминаниях писал С.Е. Трубецкой: «Всем было тяжело, никому не хотелось идти. Индивидуального сознания печальной необходимости войны почти не у кого не было (“мы калуцкие, нам море не нужна”). И вот все безропотно бросали всё и шли... Что же их побуждало к этому? Патриотизм? Только

¹³ Мужественное поведение Петра Карагеоргиевича, который, по словам российского посланника, показал «своим примером, что он предпочитает смерть народному позору», было замечено в России. Николай II наградил монарха орденом Андрея Первозванного с мечами, престолонаследнику Александру был вручён орден Св. Георгия третьей степени, а его брату Георгию – четвёртой.

¹⁴ См. подробнее: (Шемякин 2005; Белов 2005; 2006; 2007).

в исключительных случаях. Масса шла потому, что она чувствовала принуждение идти. А какова была реальная, физическая сила, стоящая за этим принуждением? Два, три урядника на огромную волость! Если бы люди на мгновение вышли из-под действия массового гипноза власти и чувства необходимости ей повиноваться, власть эта ничего не могла бы с ними поделаться, и вся сложная постройка государственного здания рассыпалась бы в прах» (Князя Трубецкие 1996: 159). Неудачи на русско-германском фронте в 1915–1916 гг. усиливали эти настроения, что, вкупе с другими немаловажными факторами, делало кризис российской монархии неизбежным.

При исследовании проблем сербской истории нельзя не учитывать, что политическая вестернизация страны, активно начавшаяся после 1878 г., шла в отрыве от традиционных общественных структур, а реальная, особенно государственная, жизнь в Сербии, как показывают, в числе прочего, свидетельства русских путешественников и дипломатов, была далека от общепринятых в Европе поведенческих норм и социокультурных стандартов. Известная сербская исследовательница Л. Перович отметила по этому поводу, что «сербская модернизация отождествлена с европеизацией Сербии ... Задруга с её экономическими и социальными функциями, системой ценностей лежит в основании идеологии сербского социализма шестидесятых и семидесятых годов, или радикализма восьмидесятых годов XIX века. Квинтэссенция этой идеологии народное государство в противовес современному государству, которое вводит власть права, основывает институты и создаёт административное сословие – бюрократию» (Перович 2007: 19, 28). О глубоком внешнем разрыве между малой частью сербской интеллигенции и патриархальным крестьянством писал известный сербский историк М. Йованович. Оценивая глубинные последствия Первой мировой войны для Сербии, он указывал, что война не только стоила больших человеческих жертв, но и познакомила простых сербов с элементарными достижениями мировой цивилизации. Сербский солдат впервые увидел зубную щётку и термометр, а «сербский крестьянин, который пошёл на войну и принял участие в переходе через Албанию, мог увидеть в любительском театре на Салоникском фронте или в театрах Бизерты различные представления, среди которых и спектакль “Битва на Косово”, а также слушать оперу “Сельская честь” (*Cavaleria Rusticana*). Мог он увидеть и любительское исполнение китайского балета. На Салоникском фронте он присутствовал на демонстрации фильмов. Для него всё это было встречей с новой цивилизацией, которую не по его воле всё же принесла война» (Йованович 2002: 153–154)¹⁵.

Таким образом, «человек воюющий» стал для Сербии совершенно особым явлением, причём как социальным, так и психологическим. Этот коллективный

¹⁵ См. сборник «Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян» (Первая мировая война... 2004), где показано воздействие войны на менталитет балканского общества.

милитарный портрет серба влиял на все процессы модернизации сербского государства, происходившие после 1878 г. По замечанию Л.Д. Троцкого, который побывал в Сербии как корреспондент газеты «Киевская мысль»: «Трубят трубы, барабанщики отбивают такт <...> Лапти на ногах и эта зелёная веточка на шапке – при полном боевом снаряжении – придают солдатам какой-то трогательный вид. И ничто в данный момент не характеризует для меня так ярко кровавую бессмысленность войны, как эта веточка и эти мужицкие опанки» (Русские о Сербии... 2006: 500).

Об авторе:

Ярослав Валерианович Вишняков – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: vishnyakov@yandex.ru.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31138 ««Новое прошлое» и его роль в политических трансформациях: опыт стран Западных Балкан».

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: July 9, 2019
Accepted: September 10, 2019

Serbian Society at the Beginning of the 20th Century. “Militarization of Everyday”

Ya.V. Vishnyakov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-28-45

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: During the 19th and early 20th centuries, the Eastern question and the search for ways to solve it occupied a central place in the politics of both Russia and European states. With his decision was closely linked the process of formation of the young Balkan countries. Serbia, whose formation of a new statehood typologically coincides with a change in the system of European international relations of the 19th and early 20th centuries, played an important role in the events of the Eastern question, while claiming to be the Yugoslav “Piemont”. However, it was the war by the beginning of the twentieth century. It became,

both for Serbia and other countries of the region, not only a means of gaining state sovereignty, but also the main way to resolve its own interstate contradictions, which took place against the background of an external factor - the impact on the political processes of the Balkans of the Great Powers. These factors led to the natural militarization of the everyday life of Serbian society. The presence in the everyday consciousness of the people of the image of a hostile "other" became one of the main ways of internal consolidation of the country, when attitudes towards war, pushing the values of peaceful life to the background, created a special basic consensus in the state development of Serbia at the beginning of the 20th century, and the anthropological role of the military factor was essentially influenced the underlying processes that took place in the country at the beginning of the twentieth century. In the conditions of a new stage of destruction of the Balkans along the ethno-political line, the factor of militarization of everyday life again becomes an important element of the historical policy of the Balkan countries and the construction of a "new past". In this regard, the understanding of many problems and possible scenarios for the development of the current Balkan reality is linked to this phenomenon. Thus, the study of the impact on the political life of Serbia at the beginning of the twentieth century of special "extra-constitutional" institutions is important for a wide range of researchers, including for a systematic analysis of the crisis in the territory of the former SFRY.

Key words: Serbia, modernization, militarization of everyday life, "Inscription", World War I.

About the author:

Yaroslav V. Vishnyakov – Dr. of Science (History Sci.), Associate professor of the Department World and Russian History of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation. 76 Prospect Vernadskogo, room 3103, Moscow, Russian Federation, 119454. E-mail: vishnyakov@yandex.ru.

Acknowledgements:

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 19-011-31138 "The New Past" and its Role in Political Transformations: Experience of the Western Balkans"

Conflict of interests:

Author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Anderson B. 2001. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni nii nacionalizma* [Imagined Community. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow. 288 p. (In Russian)
- Belov M.V. 2005. Serbskaya povstancheskaya gosudarstvennost' i ee ideologicheskoe obosnovanie [The Rebel Serbian State and its Ideological Justification.]. *Dvesti let novoj serbskoj gosudarstvennosti*. Sb. st. Saint-Petersburg. 406 p. P. 39–56. (In Russian)
- Belov M.V. 2006. Problema institucionalizacii i legitimacii vlasti v Serbii v 1804-1830 gg. [The Problem of Institutionalization and Legitimization of Power in Serbia in 1804-1830]. *Chelovek na Balkanah. Gosudarstvo i ego instituty. Grimasy politicheskoy modernizacii (poslednyaya chetvert' XIX nachalo XX v.)*. Sb. st. Saint-Petersburg. 357 p. P. 53–81. (In Russian)
- Belov M.V. 2007. *U istokov serbskoj nacional'noj ideologii. Mekhanizmy formirovaniya i specifika razvitiya. Konec XVIII seredina 30-h gg. XIX v.* [At the Origins of the Serbian National Ideology. Mechanisms of Formation and Specificity of Development. The Late 18th Century Mid 30th]. Saint-Petersburg. 540 p. (In Russian)

Burbank Dzh., Kuper F. 2010. Traektorii imperii [The Trajectories of the Empire]. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperij i nacionalizma*. Moscow. 428 p. P. 325–361. (In Russian)

Veber M. 1990. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow. 805 p. (In Russian)

Vishnyakov Ya.V. 1999. Balkany. Hvatka «Chernoj ruki» [Balkans. The Grip of the “Black Hand”]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. № 5. P. 34–47. (In Russian)

Vishnyakov Ya.V. 2001. «Naselenie Belgrada sovershenno terrorizirovano mestnymi vojskami». Voennyj perevorot 29 maya 1903 goda i ego posledstviya dlya politicheskoy zhizni Serbii [“The Population of Belgrade is Completely Terrorized by Local Troops.” The Military Coup of 29 may 1903 and its Consequences for the Political Life of Serbia.]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. № 3. P. 68–77. (In Russian)

Vishnyakov Ya.V. 2014. «Chernaya ruka» v serbskoj politike nachala HKH veka [«The Black Hand» in Serbian Politics of the Early Twentieth Century.]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. №10. P. 8–13. (In Russian)

Vishnyakov Ya.V. 2016. *Voennyj faktor i gosudarstvennoe razvitie Serbii nachala XX veka* [The Military Factor and the State Development of Serbia in the Early Twentieth Century]. Moscow: MGIMO-Universitet. 529 p. (In Russian)

Vishnyakov Ya.V., Ponomareva E.G. 2018. Serbiya na Balkanah. Izobrenie «porohovogo pogreba Evropy» [Serbia in the Balkans. The Invention of the “Powder Magazine of Europe”]. *Sovremennaya Evropa*. № 7. P. 108–122. (In Russian)

Vukichevich M.M. 1915. *Korol' Petr I i Serbiya* [King Peter I and Serbia]. Petrograd. 111 p. (In Russian)

Grishina R.P. 2008. Liki modernizacii v Bolgarii (beg truscoj po peresechennoj mestnosti) [Faces of Modernization in Bulgaria (Cross-Country Jogging)]. Moscow. 256 s. (In Russian)

Danilov Yu.N. 1924. *Rossiya v mirovoj vojne 1914-1915 gg.* [Russia in the World War 1914-1915]. Berlin. 396 p. (In Russian)

Jovanovich M. 2002. «Umeret' za Rodinu». Pervaya mirovaya vojna, ili stolknovenie «obychnogo cheloveka s total'noj vojnoj» [“Die for the Motherland.” The First World War, or the Clash of the “Ordinary Man with Total War”]. *Poslednyaya vojna imperatorskoj Rossii*. Sb. St. Pod red. O.R. Ajrapetova. Moscow. 264 p. P. 136–157. (In Russian)

Knyaz'ya Trubeckie. 1996. *Rossiya vospryanet* [Russia Will Rise]. Moscow. 544 P. (In Russian)

Kuz'micheva L.V. 2009. Serbo-horvatskie sblizheniya i konflikty v XIX-nachale XX v. [Serbo-Croatian Rapprochements and Conflicts in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries.] *Konflikty i kompromissy v istorii mirovyh civilizacij*. Sb. st. Moscow. 467 p. P. 172-182. (In Russian)

Nikiforov K.V. 2015. «Nachertanie» Ilii Garashanina i vneshnyaya politika Serbii v 1842-1853 gg. [The “Mark” of Elijah Garashanin and the Foreign Policy of Serbia in 1842-1853]. Moscow. 256 p. (In Russian)

Pervaya mirovaya vojna v literaturah i kul'ture zapadnyh i yuzhnyh slavyan [World War I in the Literature and Culture of the Western and Southern Slavs]. 2004. Moscow. 470 p. (In Russian)

Perovich L. 2007. Serbiya v modernizacionnyh processah XIX- XX vekov [Serbia in the Modernization Processes of the 19-20 centuries]. *Chelovek na Balkanah. Sociokul'turnye izmeneniya processa modernizacii na Balkanah (seredina XIX seredina XX v.)*. Saint Petersburg. 376 p. P. 16–40. (In Russian)

Pisarev Yu.A. 1990. *Tajny pervoj mirovoj vojny. Rossiya i Serbiya v 1914-1915 gg.* [Secrets of the First World War. Russia and Serbia in 1914-1915]. Moscow: Nauka. 222 p. (In Russian)

Ponomareva E.G. 2005. Hronopoliticheskoe izmerenie modernizacionnyh processov v sovremennoj Serbii [Chronopolitical Dimension of Modernization Processes in Modern Serbia]. *Polis*. № 3. P. 34–43. (In Russian)

Ponomareva E.G. 2013. Balkany kak zona (dez)integracii [Balkans as a Zone of (Dis)Integration]. *Razvitie i ekonomika*. №5. P. 82–95. (In Russian)

Rid D. 1928. *Vdol' fronta* [Along the Front]. Moscow, Leningrad. 324 p. (In Russian)

Russkie o Serbii i serbah: pis'ma, stat'i, memuary [Russians on Serbia and the Serbians: Letters, Articles, Memoirs]. 2006. Sost. A.L. SHemyakin, A.A. Silkin. Saint-Petersburg. T. 1: Pis'ma, stat'i, memuary / Sost., vstup. st., zakl. A.L. Shemyakina; komm. A.A. Silkina, A.L. Shemyakina. 684 p. (In Russian)

Senyavskaya E.S. 1999. *Psihologiya vojny v HKH veke. Istoricheskij opyt Rossii* [Psychology of War in the Twentieth Century. Historical Experience of Russia]. Moscow. 383 p. (In Russian)

Sergeev E.Yu. 2001. «Inaya zemlya, inoe nebo...» *Zapad i voennaya elita Rossii (1900-1914)* ["Another Earth, Another Sky..." the West and the Military Elite of Russia (1900-1914)]. Moscow. 282 p. (In Russian)

Smit E. 2004. *Nacionalizm i modernizm* [Nationalism and Modernism]. Moscow. 466 s. (In Russian)

Taburno I. 1913. *O serbskih bitvah (vpechatleniya ochevidca vojny serbov s turkami 1912 g.)* [About Serbian Battles (Impressions of the Eyewitness of War of Serbs with Turks of 1912)]. Saint Petersburg. 144 p. (In Russian)

Trubeckoj Gr. N. 1983. *Russkaya diplomatiya 1914-1917 gg. i vojna na Balkanah* [Russian Diplomacy 1914-1917 and the War in the Balkans]. Monreal'. (In Russian)

Hroh M. 2002. Ot nacional'nyh dvizhenij k polnost'yu sformirovavshejsya nacii: process stroitel'stva nacij v Evrope [From National Movements to a Fully Formed Nation: the Process of Nation-Building in Europe]. *Nacii i nacionalizm*. Moscow. 416 p. P. 121-145. (In Russian)

Hroh M. 2010. Istoricheskie predposylki «nacionalizma» v central'no- i vostochnyh stranah [Historical Background of "Nationalism" in Central and Eastern Countries]. *Nacionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoy Evrope. Neudavshijsya nacionalizm mnogonacional'nyh i chastichnyh nacional'nyh gosudarstv*. T. 1. Moscow: ROSSPEN. 432 p. P. 107–121. (In Russian)

Sheval'e N. 1913. *Pravda o vojne na Balkanah. Zapiski voennogo korrespondenta* [The Truth about the War in the Balkans. War Correspondent's Notes]. Saint-Petersburg. (In Russian)

Shemyakin A.L. 2005. Narod i vlast' v nezavisimoy Serbii [The People and the Power in Independent Serbia]. *Dvesti let novej serbskoj gosudarstvennosti*. Saint Petersburg. 406 p. P. 175–200. (In Russian)

Shnirel'man V.A. 1999. Nacional'nye simvoly, etnoistoricheskie mify i etnopolitika [National Symbols, Ethno-Historical Myths and Ethno-Politics]. *Makedoniya: problemy istorii i kul'tury*. Moscow. P. 9-24. (In Russian)

Shttrandtman V.N. 2014. *Balkanskije vospominaniya* [Balkan Memories]. Moscow. 504 s. (In Russian)

Литература на русском языке:

Андерсон Б. 2001. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва. 288 с.

Белов М.В. 2006. Проблема институализации и легитимации власти в Сербии в 1804-1830 гг. *Человек на Балканах. Государство и его институты. Гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX начало XX в.)*. Сб. ст. Санкт-Петербург. 357 с. С. 53–81.

Белов М.В. 2005. Сербская повстанческая государственность и её идеологическое обоснование. *Двести лет новой сербской государственности*. Сб. ст. Санкт-Петербург. 406 с. С. 39–56.

Белов М.В. 2007. *У истоков сербской национальной идеологии. Механизмы формирования и специфика развития. Конец XVIII – середина 30-х гг. XIX в.* Санкт-Петербург. 540 с.

Бурбанк Дж., Купер Ф. 2010. Траектории империи. *Мифы и заблуждения в изучении империй и национализма*. Москва. 428 с. С. 325–361

Вебер М. 1990. *Избранные произведения*. Москва. 805 с.

Вишняков Я.В. 1999. Балканы. Хватка «Черной руки». *Военно-исторический журнал*. № 5. С. 34–47.

Вишняков Я.В. 2001. «Население Белграда совершенно терроризировано местными войсками». Военный переворот 29 мая 1903 года и его последствия для политической жизни Сербии. *Военно-исторический журнал*. № 3. С. 68–77.

Вишняков Я.В. 2014. Чёрная рука в сербской политике начала XX века. *Военно-исторический журнал*. №10. С. 8–13.

Вишняков Я.В. 2016. *Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века*. Москва: МГИМО-Университет. 529 с.

Вишняков Я.В., Пономарева Е.Г. 2018. Сербия на Балканах. Изобретение «порохового погребца Европы». *Современная Европа*. № 7. С. 108–122.

Гришина Р.П. 2008. *Лики модернизации в Болгарии (бег трусцой по пересеченной местности)*. Москва. 256 с.

Вукичевич М.М. 1915. *Король Петр I и Сербия*. Петроград. 111 с.

Данилов Ю.Н. 1924. *Россия в мировой войне 1914-1915 гг.* Берлин. 396 с.

Йованович М. 2002. «Умереть за Родину». Первая мировая война, или столкновение «обычного человека с тотальной войной». *Последняя война императорской России*. Сб. Ст. Под ред. О.Р. Айрапетова. Москва. 264 с. С. 136–157.

Князя Трубецкие. 1996. *Россия воспрянет*. Москва. 544 с.

Кузьмичёва Л.В. 2009. Сербо-хорватские сближения и конфликты в XIX – начале XX в. *Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций*. Сб. ст. Москва. 467 с. С. 172–182.

Никифоров К.В. 2015. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842-1853 гг. Москва. 256 с.

Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. 2004. Москва. 470 с.

Перович Л. 2007. Сербия в модернизационных процессах XIX-XX веков. *Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.)*. Санкт-Петербург. 376 с. С. 16–40.

Писарев Ю.А. 1990. *Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914-1915 гг.* Москва: Наука. 222 с.

Пономарева Е.Г. 2005. Хронополитическое измерение модернизационных процессов в современной Сербии. *Полис*. № 3. С. 34–43.

Пономарева Е.Г. 2013. Балканы как зона (дез)интеграции. *Развитие и экономика*. № 5. С. 82–95.

Рид Д. 1928. *Вдоль фронта*. Москва, Ленинград. 324 с.

Русские о Сербии и сербах: письма, статьи, мемуары. 2006. Сост. А.Л. Шемякин, А.А. Силкин. Санкт-Петербург. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / Сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. 684 с.

Сенявская Е.С. 1999. *Психология войны в XX веке. Исторический опыт России*. Москва. 383 с.

Сергеев Е.Ю. 2001. «Иная земля, иное небо...» *Запад и военная элита России (1900-1914)*. Москва. 282 с.

Смит Э. 2004. *Национализм и модернизм*. Москва. 466 с.

Табурно И. 1913. *О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.)*. Санкт-Петербург. 144 с.

Трубецкой Гр. Н. 1983. *Русская дипломатия 1914-1917 гг. и война на Балканах*. Монреаль.

Хрох М. 2002. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. *Нации и национализм*. Москва. 416 с. С. 121-145.

Хрох М. 2010. Исторические предпосылки «национализма» в центрально- и восточных странах. *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств*. Т. 1. Москва: РОССПЭН. 432 с. С. 107-121.

Шевалье Н. 1913. *Правда о войне на Балканах. Записки военного корреспондента*. Санкт-Петербург.

Шемякин А.Л. 2005. Народ и власть в независимой Сербии. *Двести лет новой сербской государственности*. Санкт-Петербург. 406 с. С. 175-200.

Шнирельман В.А. 1999. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика. *Македония: проблемы истории и культуры*. Москва. С. 9-24.

Шtrandтман В.Н. 2014. *Балканские воспоминания*. Москва. 504 с.

Литература на сербском языке:

Јакшић Г., Вучковић В. 1963. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила (први балкански савез). Београд. 576 с.

Перовић Л. 1993. Српско-руски револуционарне везе. Београд. 219 с.